

Тепляшин Павел Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовного права и криминологии Сибир-
ского юридического института МВД России

**Межотраслевая юридическая природа субинститута пробации
(в контексте проведения социальной и воспитательной работы с осужденными
к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы)**

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон) явилось знаковым событием в правовой регламентации общественных отношений, охватывающих организацию и реализацию пробации в нашем государстве. Кроме того, Федеральный закон открыл, по сути, новую эру восстановительно-профилактического правосудия, осуществляемого в отношении оказавшихся в трудной жизненной ситуации осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. Как представляется, Федеральный закон выступает не только правовым инструментом оказания осужденным соответствующей помощи, но дополнительным правовым средством предупреждения совершения правонарушений, включая преступления. Ведь не случайно в части 1 статьи 4 Федерального закона среди целей пробации закрепляются не только коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, но и предупреждение совершения ими новых преступлений.

В связи с принятием Федерального закона с полной уверенностью можно говорить о появлении структурированного правового института — субинститута, который в силу своей юридической природы, внутренним элементом и предметно-правовой принадлежности имеет тесную связь с уголовно-исполнительным правом. Процесс институционализации пробации обладает всеми социальными предпосылками, обусловлен общественными и государственными интересами, в том числе правоохранительного свойства. Юридическая природа субинститута пробации во многом обладает межотраслевым характером.

Думается возможным обратить внимание на межотраслевой характер субинститута пробации через призму проведения социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы. Так, согласно статье 14 Федерального закона в целях ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации после освобождения из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, а также коррекции поведения реализуется ряд следующих мер: 1) социальная работа с осужденными; 2) воспитательная работа; 3) оказание им психологической помощи.

Каждая из указанных мер обладает собственным содержанием. Так, социальная работа с осужденными находится в прямой зависимости от должного организационно-правового сопровождения системного воздействия на осужденных с целью оказания им надлежащей помощи по приобретению и (или) сохранению социально значимых мотивации и ориентиров, общественно востребованных навыков и способностей по ресоциализации.

Социальная работа в рамках пенитенциарной пробации должна быть ориентирована на конструктивную реализацию системы взаимосвязанных мероприятий, направленных на решение вопросов успешной коррекции и терапии, социальной адаптации и реабилитации осужденных. При реализации данной системы важно решить ряд следующих задач: 1) осуществить комплексное исследование личности осужденного, позволяющее выявить социальные проблемы, которые требуется решить; 2) организовать и осуществить комплекс мероприятий, включающих формирование у осужденного навыков и умений социальной деятельности; 3) обеспечить содействие в приобретении, восстановлении утраченных и (или) укреплении имеющихся социально полезных связей; 4) сформировать навыки и способности безопасного и здорового образа жизни.

Для решения данных задач на соответствующие подразделения и службы исправительного учреждения либо исправительного центра возлагаются следующие функции: функция изучения и социальной диагностики осужденного; функция, ориентированная на определение социальной деформации осужденного для его последующей социально-адаптационной корректировки; стимулирующая функция, обеспечивающая мотивацию осужденного к самостоятельному решению своих

социально-личностных проблем; режимная функция, направленная на рациональную реализацию средств обеспечения порядка подготовки осужденного к освобождению и его дисциплинирование в части использования необходимых навыков социального общежития и адаптации; социально-воспитательная функция, предполагающая построение механизмов готовности осужденного к соблюдению социальных правил и норм поведения в обществе; социально-сопроводительная функция, включающая решение вопросов социального и социально-бытового характера, для обеспечения необходимого уровня жизнедеятельности после освобождения.

Социальная работа с осужденными предполагает реализацию соответствующих технологий и включает два аспекта: с одной стороны, это деятельность администрации учреждения в лице конкретных служб, подразделений и сотрудников (работников), с другой — комплекс последовательных стадий, включающих оказание осужденному помощи по формированию ценностных социально востребованных установок, социальных потребностей и навыков, направленных на создание условий его соответствующего восстановления и развития с целью обеспечения приемлемого общественного функционирования после отбытия уголовного наказания. При этом к технологиям социальной работы следует относить комплекс средств, способов и приемов профессионального воздействия на осужденных лиц и их окружение (в частности, родственников и близких лиц, являющихся посетителями), обеспечивающий наиболее оптимальное и своевременное оказание им необходимой социальной помощи и привитие навыков социализации в современных условиях жизнедеятельности.

В свою очередь, основными технологиями социальной работы с осужденными, отбывающими наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, являются: социальное консультирование; социальное посредничество (с использованием медиативных технологий), в том числе коммуникативные технологии; обеспечение социальной безопасности; социальная профилактика (с привлечением технологий социального патронажа); социальная помощь, в том числе социальная поддержка и волонтерская социальная взаимопомощь из числа осужденных; социальная (социально-экономическая) реабилитация; социальная адаптация.

Некоторые технологии социальной работы с осужденными, отбывающими лишения свободы, применяются не в полной степени (в усеченном виде). Условно данные технологии можно отнести к дополнительным: социальная диагностика и прогнозирование; социальная терапия (в меньшей степени коррекция); социальное проектирование (моделирование); социальный менеджмент; социальный контроль.

Также следует отметить, что реализация социальной работы должна отражать типовую схему, которая основывается на прохождении ряда этапов (диагностика → целеполагание → подготовка → реализация → контроль). Совокупность данных этапов, наполненных соответствующими процедурами и мероприятиями, образует схему реализации технологического процесса в социальной работе с лицами, осужденными к уголовному наказанию в виде лишения свободы либо принудительным работам. Вышеизложенные моменты относительно содержания социальной работы с осужденными указывают на сложный межотраслевой (в контексте презюмирования существования такой отрасли, как социальное право) характер субинститута пробации.

Воспитательная работа с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы так же, как и воспитательная работа, обладает обязательным для применения характером и не зависит от волеизъявления (согласия) осужденного. Данная работа реализуется как одно из средств исправления, которые закреплены в части 2 статьи 9 УИК РФ, и как инструмент, с помощью которого достигается успешная ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация после освобождения из соответствующих учреждений, а также осуществляется не рандомная, а системная коррекция поведения. Воспитательная работа именно во втором аспекте выступает предметом пенитенциарной пробации. В уголовно-исполнительном законодательстве она формализуется в предусмотренном частью 2 статьи 180 УИК РФ установлении, в соответствии с которым с осужденным осуществляется воспитательная работа, направленная на его подготовку к освобождению.

На основании положений, закрепленных в части 2 статьи 110 УИК РФ, реализуется индивидуальная, групповая и массовая формы воспитательной работы с осужденными. Помимо этого, применяются весьма разнообразные и имеющие разнородное содержание способы воспитательной работы с лицами, отбывающими пенальные уголовные наказания. Рассматривая этот момент, нельзя не согласиться с мнением А. П. Скиба и Н. С. Малолеткиной, которые обоснованно

постулируют, что «воспитательная работа осуществляется различными способами: путем нравственного, правового, трудового, физического и иного воспитания осужденных, применения к ним мер поощрения и взыскания, изменения условий отбывания наказания и, соответственно, объема правоограничений осужденных, организации самоуправления в среде осужденных и т. п.»¹.

Методы воспитательной работы, ориентированные на последующую ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию после освобождения, по своему содержанию несколько отличаются от методов такой работы, направленной на исправление. Данные методы тесно переплетены с реализацией индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, то есть тесно связаны с соответствующей программно-целевой работой, тем самым подчеркивая межотраслевую природу юридико-социальных знаний и регуляторов субинститута пробации. На важность последовательного практического внедрения программно-целевого метода индивидуально-воспитательной работы с осужденными, проходящими пробацию, обращается внимание в ряде специальных исследований².

Содержание методов воспитательной работы дифференцируется в зависимости от длительности назначенного уголовного наказания, а также от конкретных проблем осужденного по его ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации после освобождения, которые предстоит преодолеть.

В части 2 статьи 14 Федерального закона указывается на правовые основы порядка осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы. В этой связи нельзя не заметить, что законодателю еще предстоит сформировать полноценную систему законодательных мер, регламентирующих указанный выше порядок. Причем формирование такой системы не завершилось даже после вступления 1 января 2024 года в силу соответствующих положений Федерального закона и приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"». Ведь значительный объем принятых и принимаемых правовых актов потребует верификации в условиях фактической реализации пробационных мероприятий, их «притирания» друг с другом и с объективными факторами внешней социально-экономической действительности, а также нормативной корректировки с учетом соответствующего обновления правоприменительной практики.

Также нельзя не обратить внимание, что на первом месте в системе правовых регуляторов порядка осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными указывается уголовно-исполнительное законодательство. В этом проявляется одна из особенностей юридической природы рассматриваемого субинститута.

Относительно уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования пробационных отношений можно отметить нормы, которые обладают фронтальным (элективным) характером регулирования данных отношений, а именно: статьей 73 УК РФ, частью 3 статьи 121 УИК РФ, статьями 173.1, 180 и 181 УИК РФ.

На втором месте находятся нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Однако среди правовых основ порядка осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными могут быть и правовые акты, которые нельзя отнести к уголовно-исполнительному законодательству и (или) к нормативным правовым актам федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. Так, в статье 20 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» закрепляется, что получателям социальных услуг с учетом

¹ Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Воспитательная работа с осужденными военнопленными: некоторые правовые вопросы национального и международного уровня // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 2. С. 37.

² Bauermann B. F. C., Shikida P. F. A., Schlemper A. L. Juvenile Criminality: Evidence From Prisoners in Two Brazilian States // Criminal Justice Review. 2021. Vol. 46. Issue 4. Pp. 491–492; Jacobs L.A., Gottlieb A. The Effect of Housing Circumstances on Recidivism. Evidence From a Sample of People on Probation in San Francisco // Criminal Justice and Behavior. 2020. Vol. 47. Issue. 9. Pp. 1102, 1106.

их индивидуальных потребностей предоставляются определенные виды социальных услуг (п. 3). Безусловно, что это также подчеркивает межотраслевую природу субинститута пробации.

Таким образом, обращение к юридической природе субинститута пробации демонстрирует перспективные направления дальнейшего научного анализа его нормативной организованности и показывает резервы для последующего усиления правового воздействия на отдельные стороны пробационных общественных отношений, включая проведение социальной и воспитательной работы с лицами, отбывающими принудительные работы или лишение свободы.

Маркунцов Сергей Александрович,
доктор юридических наук, доцент, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции

Как известно, наряду с термином «коррупционные преступления» в различных правовых актах используется термин «преступления коррупционной направленности». В частности, первый из них употребляется, например, в статье 4 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в указе Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 года № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года», в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и др. Вместе с тем легально не закреплены ни понятия, ни точный перечень коррупционных преступлений. Исходя из позиции, отраженной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24, следует также заметить, что высшая судебная инстанция озабочена указанной неопределенностью и также выступает за единообразное применение антикоррупционного законодательства.

Системный анализ отдельных нормативных и подзаконных актов, регламентирующих вопросы противодействия коррупции, позволяет говорить о том, что перечень коррупционных преступлений включает так называемые «основные преступления коррупционной направленности», относящиеся к таковым под «условием», либо «способствующие» существованию и распространению коррупции. Более того, согласно приложению № 23 указания Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года в рассматриваемую группу могут быть включены и деяния, вовсе не отнесенные к преступлениям коррупционной направленности¹.

Второй термин также встречается в ряде официальных источников².

Так, в рамках пункта 1 приложения № 23 к указанию Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года предпринимается попытка дать понятие преступлений коррупционной направленности через перечисление их признаков. Исходя из общепризнанного подхода, преступления коррупционной направленности характеризуются *следующими признаками*: 1) наличие *надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния*; 2) *связь деяния со служебным положением субъекта*; 3) обязательное наличие у субъекта *корыстного мотива*; 4) совершение преступления только с *прямым умыслом* (курсив наш. — С. М.). Очевидно, что указанные «признаки» отнюдь не являются признаками данных преступных деяний (исходя из классического набора признаков преступления). Указанные «признаки» будут характерными для всех составов соответствующих преступлений, если давать им более узкую трактовку, что предлагается некоторыми авторами в

¹ Маркунцов С. А. Глава 5. Подходы к пониманию коррупционных преступлений, преступлений коррупционной направленности и преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса и определению их системы // Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. Москва: ИД Юриспруденция, 2020. С. 124.

² См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы», указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» и др.